

ПТИЧКИ

МИХАИЛ КЕЛЬМАР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Кельмар

Птички

<https://litres.ru/74610599>

SelfPub; 2026

Аннотация

В небольшом городе у кромки тайги исчезают дети. За дело берётся старший следователь Волкова — женщина, которая устала от монотонности жизни и несправедливого отношения на работе.

Сначала всё выглядит как резонансное уголовное дело. Но чем глубже погружается Мария в расследование, тем меньше оно поддаётся логике. Свидетелей практически нет, а те немногие, кто даёт показания — дети, убеждённые, что девочек утащил леший. Местные ничего не знают и лишь некоторые старожилы, указывают на повторение прошлого. А улики ведут туда, куда здравый смысл идти отказывается — в тайгу.

Волковой придётся столкнуться со своим прошлым, чтобы спасти будущее невинных детей.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Кельмар

Птички

Глава 1

Запах перегара ударил по ноздрям и сработал лучше любого будильника.

Мария резко открыла глаза и сразу же сощурилась. Казалось, лучи проходили сквозь лупу. Резкая боль продолжилась гулкими ударами в области висков. В ушах зазвенело и казалось череп вот-вот треснет.

Сквозь звуки утреннего похмелья проступил мужской храп. Вчерашнее приключение из клуба лежало рядом. Как только глаза привыкли к яркости света, она осмотрела туловище, что заняло её добрую половину кровати. Абсолютно голый, со стекающей слюной на подушку, лежал полноватый мужчина.

— Опять, — пробубнила Мария себе под нос.

Он захрюкал, переворачиваясь на бок. Пары алкоголя, вырвавшиеся изо рта, неприятно коснулись глаз — защипало. Комки тут же подступили к горлу. Мария приложила кулак ко рту, спихивая туловище ногами. Он с оглушительным грохотом рухнул на пол. Ошарашенный, с сонным взглядом, как напуганный филин вертел головой, осматриваясь.

— А... Ты чего? — спросил он и, осознав неловкость положения, прикрылся подушкой.

— Тебе пора.

Мария обернула вокруг себя одеяло и указала мужчине на дверь.

— Захлопни за собой, — попросила она, шаря в ящике прикроватной тумбы в поисках волшебной таблетки.

— А поцеловать?

Мужчина уже вернулся на кровать и потянулся к ней, вытянув губы в трубочку. Редкие волосины на его голове светились из-за чего была видна его проплешина. Покосившись на мужчину, Мария скривила лицо, абсолютно не понимая чем руководствовалась при выборе мужчины на ночь.

— Нет. — Она повернулась к нему спиной.

Встала с кровати, придерживая рукой одеяло, и прошла мимо тумбы, на которой стоял чайник. Воды в нём было немного, в чашке уже лежал пакетик со вчерашнего вечера и открытая пачка дешёвого печенья. Кнопка щёлкнула и чайник зашумел. Мария поморщилась, пнув джинсы в сторону гостя.

— Давай давай, у тебя есть десять минут, Ромео.

Дверь в ванную закрылась на защёлку.

— Куда ты катишься, м? — спросила она себя, посмотрев в отражение.

Размазанная тушь, съеденная поцелуями помада, помятое лицо. От прошлой ночной «богини», как нарёк её ухажёр, не

осталось и следа. Голова всё ещё гудела, неприятно отдаваясь пульсирующей болью.

Открыв зеркало, Мария расплылась в блаженной улыбке. Волшебная таблетка лежала в баночке прямо перед ней. Взяв стакан, она вытащила из него зубную щётку, кинула таблетку и налила воды из-под крана. Таблетка зашипела, вода забулькала. Звук для болеющей головы был не из приятных, но выбора не было. Дождавшись, когда она полностью растворится, Мария осушила стакан залпом.

Отпихнув ногой одеяло подальше к двери, повернула кран. Приятные струи прохладной воды коснулись кожи, смывая всю ту грязь, что на ней осела за ночь. Казалось, вместе с этим смывалась и головная боль и зудение под кожей. За стенкой послышался звук захлопывающейся двери. Мария запрокинула голову назад, подставляя воде лицо — остатки макияжа смыло в сток.

Она металась по комнате собирая себя по частям. Сначала крабик, что лежал на комоде. Поспешно забрала им волосы. Затем распахнула шкаф: одежда лежала кое-как, комками, но в углу ровным строем висели водолазки, брюки, блузки для работы. Выбор пал на белую блузку, брюки прямого кроя и пальто, мышиного цвета.

Скача на одной ноге, натягивая штаны, взгляд Марии остановился на часах. Без пяти восемь.

— Твою ж мать!

Поборов медлительность, она быстро залезла в ботинки,

схватила сумочку, сиротски лежавшую у входной двери, накинула пальто и вышла из дома.

Всю дорогу до работы Мария пыталась вспомнить — заперта ли дверь. Эта мысль долбила по ушам сильнее ночной музыки. В сумочке творился хаос. Среди чеков, салфеток с номерами, помады и нескольких пачек жвачки она пыталась отыскать мобильный телефон. Он хитро зарылся в подкладку и не хотел никак даваться в руки.

— Мария Анатольевна, всё в порядке?

Тихий, бархатный голос заставил отвлечься от раскопок. Максим стоял возле служебной машины, протягивая ей кофе. Кивая, протянула руку и обхватила ещё тёплый стакан, напрочь забывая про мобильник.

— Да, — ответила коротко.

Максим кивнул и вернулся к автомобилю, протирая стекла. Она старалась вспомнить хоть один раз, когда он брал кофе кому-то ещё. Мария сделала пару глотков и поспешила в здание следственного комитета.

Отдел по утрам пах дешёвым кофе, не таким как ей приносил Максим, и бумагой. Мария бросила сумку, повесила пальто и включила компьютер. На столе её ожидала новая порция папок, которые она точно не оставляла вчера вечером — значит, Вязьмин снова воспользовался её столом как перевалочным пунктом. Она передвинула их к краю.

— О, Волкова явилась, — сказал Колесов из-за соседнего стола, не поднимая головы от монитора. — А я уж думал всё,

с концами.

— Думать не твоя сильная черта, Колесов.

— Помятая какая-то, — сказал он подняв на неё глаза. — Бледнющая.

— Это я от твоей рожи с утра, — сообщила Мария и открыла первую папку.

Колесов хмыкнул, незлобно. Они работали рядом уже шесть лет. За это время у них образовалось что-то типа традиции: он отпускает глупые шуточки, она огрызается, и оба делают вид, что это нормально. Так оно и было.

Планёрка была короткой и бессмысленной, как это обычно и бывало. Начальник отдела — Олег Никитич, грузный, усталый человек с постоянно несчастным выражением лица — пробежал по текущим делам, раздал замечания, поручения и отпустил всех с богом.

Мария уже собиралась вернуться к своим заботам, когда он её окликнул:

— Волкова. Задержись.

Она остановилась в шаге от выхода и вернулась к столу начальника.

— Дело по пропавшей, — сказал Олег Никитич, пролистывая что-то у себя на столе. — Девочка, пять лет, двое суток как нет. Мать надо допросить, первично. Тут рядом, Максим уже ждёт — отвезёт. Как допросишь, вернёшься.

— Новое дело? — Мария с энтузиазмом ухватила за папку, но начальник ухватился за край, не отпуская папку из

рук. Он пристально посмотрел ей в глаза, и вся радость от его доверия сошла на нет.

— Дело ведёт Вязьмин.

Мария сразу же отпустила папку и та упала на стол начальника.

— Ну вот пусть он и едет.

— Он занят, а у тебя сейчас свободного времени вагон. Тем более тебя прошу я — лично, — настаивал Олег Никитич.

Мария вздохнула, забирая папку. Начальник уставился в документы, чиркая ручкой по бумаге.

— Хорошо, — согласилась она.

Максим сделал радио погромче, когда Мария села на заднее сиденье и хлопнула дверью. В машине играла приятная, ненавязчивая музыка. По-хорошему нужно было ознакомиться с деталями дела, но раз это первичный допрос, а все вводные начальник озвучил, тем более что дело достанется не ей, Мария решила проигнорировать папку. Разберется на месте. Машина медленно тронулась с места оставляя позади обшарпанное здание.

За окнами мелькали деревья. Осенняя пора накрыла город также резко, как закончилось лето. В один день. Редкие пожелтевшие листья срывались ветром и, кружась, опускались на асфальт, припаркованные автомобили и козырьки подъездов.

Максим, как обычно, молчал. Эту черту она в нём ценила

больше всего, особенно после болтливого Колесова. Он никогда не лез в чужие дела, несмотря на большой опыт оперативной работы, никогда не пытался поддерживать разговор или, не дай боже, заводить его самостоятельно. Всегда опрятный, всегда педантичный. Ещё и приятный бонус в виде горячего кофе по утрам.

Мария уткнулась лбом о стекло, разглядывая мелькающие пятиэтажки. Прохлада от лба разошлась по всей голове, снимая утренний бодун окончательно.

— Приехали, — тихо сказал Максим.

Мария оторвалась от стекла, закрутив головой по сторонам.

— Так... это ж мой дом.

Пятиэтажка с облупленным козырьком подъезда. Рябина у забора, которую она знала с детства — одну ветку на ней лет двенадцать назад сломал соседский мальчишка и с тех пор она росла криво, укладываясь на тот самый козырёк. Наглые вороны облепили уродливую ветвь и пристально смотрели на Марию. Внутри всё скукожилось.

— Максим, мы точно приехали куда нужно?

Максим только кивнул и не дал больше никаких комментариев.

Корнеева Юлия жила на втором этаже, в квартире напротив лестницы. Мария знала эту дверь — синяя, с облезлой краской, ржавыми петлями — и мать знала тоже, хотя только

в лицо: кивали на лестничной площадке, здоровались возле подъезда.

Остановившись на лестничной клетке, Мария всё же заставила себя заглянуть в материалы дела. Фотография девочки — рыжие косички, задорные зелёные глаза и добродушная улыбка. Пропала позавчера вечером. Прямо с детской площадки. Мать была на сутках, сообщила бабушка через три часа — сначала бегала по району самостоятельно, пытаюсь найти девочку, думали, что Юленька заигралась и ушла в соседний двор с соседскими детьми.

Папка захлопнулась слишком резко и фотография, как осенний лист, упала на пол. Мария перевела дух, вернула фотографию девочки в папку и постучала в дверь.

Ольга Корнеева открыла сразу, будто стояла за дверью. Наверное так и было. Женщина не высокого роста, плотная, с такими же веснушками и рыжими мелкими кудряшками, в застиранном старом халате — смотрела такими глазами, как смотрит ребёнок, увидев последнюю конфету в серванте у бабушки.

— Здравствуйте, я следователь Волкова. Вы позволите войти?

Она закивала, попятившись назад. Слез уже не осталось, за эти дни она всё выплакала. Опухшие глаза опустились куда-то вниз. В квартире пахло сигаретами и несвежей едой. На кухне сидел мужчина в белой майке-алкоголичке — видимо отец. Её название отлично отражало его внешний вид. Помя-

тый, взлохмаченный, с тёмными кругами под глазами и желтоватым оттенком кожи. Он угрюмо сидел, обнимая кружку, в которой, судя по сильно крепкому запаху, был не чай.

Мария сделала всё правильно: говорила спокойно, задавала нужные вопросы, всё записывала. Ольга отвечала ровно, только руки постоянно что-то теребили — платок, рукав халата, салфетку на столе.

Когда Мария уже вставала уходить, мужчина на кухне наконец повернул голову:

— Найдёте? — спросил он. Голос был хриплый, севший.

— Найдём, — сказала Волкова.

Это было не по протоколу, непрофессионально. В конце концов просто глупо — обещать. Она знала это и всё равно сказала.

На лестнице она остановилась у окна — во дворе было пусто, только рябина качалась на ветру. Юля каждый день играла на детской площадке, и Мария видела её, девочку с рыжими косичками, которая часто прыгала через лужи у подъезда.

Не решаясь вернуться, она позвонила Ольге ещё раз, уточнив пару моментов. Потом спустилась к машине.

Олег Никитич встретил её таким взглядом, будто уже знал что разговор будет неприятным.

— Вязьмин будет вести дело, — заговорил он не дав Марии открыть рта. — Ты провела первичный опрос, спасибо,

передай материалы ему и отчитайся.

Мария помолчала.

— Олег Никитич.

— Волкова, — вздохнул начальник, потирая переносицу.

— Мы с ним одного звания. Я такой же старший следователь. Вы попросили меня сделать работу за него. Девочка пропала не первый день...

— Ты выполнила просьбу. Дело ведёт Вязьмин.

— Отдайте его мне.

— Нет

— Олег Никитич, девочка живёт в моём доме. — Мария незаметно для себя, навалилась на стол руками. — В моём подъезде. Я знаю этот двор, соседей, я...

— Вязьмин. — Он поднял на неё взгляд. — Всё, Волкова.

Передай материалы и возвращайся к своим делам.

Ноздри Марии расширились, словно вот-вот полыхнут огнём. Она поджала губы, аккуратно закрыв за собой дверь. Постояв в коридоре минуту, подошла к своему столу, взяла папку и понесла к Вязьмину.

Домой Мария вернулась в девятом часу. Разулась в прихожей, там же бросила на пуфик пальто. Включила чайник, открыла холодильник, посмотрела и закрыла. Открыв верхний шкаф, достала бутылку.

Налила немного — для успокоения нервов, как она себе говорила, хотя знала, что это неправда. Просто без это-

го квартира была слишком тихой, тёмной, унылой. Такой же, как отражение в зеркале, которое она наблюдала каждый день. В такой атмосфере всегда лезут добивающие мысли. Заплаканные глаза Корнеевой Ольги. Веснушки Корнеевой Юли. Папка в руках Вязьмина, у которого и так было три дела одновременно и он регулярно терял нити в двух.

Мария допила, налила ещё. Потом встала и прошла в ванную.

В зеркале снова она — без тональника, маскирующего мешки под глазами, без яркой помады и нарисованных бровей, которые придавали ей уверенности. Серая и незаметная. С мокрыми щеками от умывания и влажными волосами. Она долго смотрела на себя. Затем достала фен.

Через час из ванной вышел другой человек — с укладкой, со стрелками, с красной помадой и серьгами до плеч. Она надела узкое чёрное платье, с открытыми плечами, каблуки, окинула себя взглядом в зеркало прихожей.

Хорошо.

Захватив бутылку, закрыла за собой дверь.

Спускаясь по лестнице, машинально ускорила шаг, миновав второй этаж.

Уже через пару часов она танцевала в центре клуба, который был наполнен молодыми студентами, да лоботрясами, представлялась другим человеком и была уверена, что контролирует свою жизнь.

Лампочка своим гулом раздражала сильнее, чем язвительная усмешка Петровича. Мария расписывалась в документах на проходной, пытаясь воскреснуть после загульной ночи. Глаза старикана блуждали по опухшему лицу Волковой, а морщинистые руки медленно ковыряли пакетик с конфетами.

— Закусить надо? — прошептал он, приблизившись к окошечку.

Мария одарила его вымученной улыбкой, поставила последнюю подпись и захлопнула журнал. За спиной раздался мерзкий смешок, но тут же заглох, как только дверь в кабинет захлопнулась.

Вязьмин сидел за её столом, закинув свои длиннющие ноги. Бесцеремонно отодвинул все личные вещи коллеги к стенке и полистывал одно из своих дел. Мария поставила сумку, аккуратно зацепила край его брюк двумя пальцами, подтянула и скинула с поверхности стола.

— И тебе доброе утро, — ощерился Вязьмин.

— Чем обязана?

— Да у меня пока убираются, решил скоротать время, пообщаться. Обсудить рабочие моменты.

Узкие губы Вязьмина искривились в подобии хитрой улыбки. За спиной его все ласково называли крысёнышем: лопоухие уши, вытянутое лицо, острый нос, и маленькие чёрные глазки. Мария решила не отвечать, просто отвернулась и закинула пальто на вешалку.

Вязьмин не оценил её молчания. Откашлявшись, он положил папку на стол и заговорил громче.

— Волкова, твой отчёт никуда не годится. Переделай и через час занеси.

Мария развернулась, выставив указательный палец, и готова была уже заткнуть эту нахальную морду, когда заметила, что дверь приоткрылась — начальник собирался войти. Колесов встретил его в коридоре и о чём-то расспрашивал.

— Вязьмин, сам разберись с отчётом, у Волковой другое дело, — прохрипел Олег Никитич.

Мария ухмыльнулась, предвкушая, что ей доверят что-то такое, из-за чего Вязьмин будет кипеть от злости. Начальник вручил ей тонкую папку и удалился. Колесов прошёл на своё место, бесцеремонно сёрбая чаем.

— Ну, ладно.

Вязьмин поправил свой тонкий галстук, который так идеально подходил его крысиному образу, и ушёл, захватив свою папку. Мария взяла с подоконника тряпку и протёрла стол, хотя он оставался чистым.

— Наконец-то новое дело, — обрадовалась она.

Колесов угукнул, ехидно улыбаясь. Он не стал шутить, а значит содержимое папки Волкову не обрадует. Желание ознакомиться с делом улетучилось так же быстро, как начальник из кабинета. Но выбора не было. Открыв папку, Мария вытащила оттуда всего один листок. Брови сдвинулись, образовав складку на лбу.

— Малолетки спёрли пару пачек сигарет из ларька... С каких пор мы этим занимаемся? — возмутилась Мария. — Я этим занимаюсь?!

Колесов прыснул, забрызгав монитор чаем. Выдохнув, стараясь не терять самообладание, Мария накинула на плечи пальто, захватила сумку и покинула кабинет.

В машине Марию ждала приглушённая музыка, запах хвои от пахучки и горячий кофе от Максима. Каждый глоток по чуть-чуть снимал напряжение с лица. Пока она шла от здания до машины пальцы успели покраснеть и замёрзнуть, а теперь оттаивали. Небольшой картонный стаканчик приятно отдавал теплом, которое расплзлось от кончиков пальцев по рукам.

За окном стали всё чаще мелькать сосны, кедры, редкие берёзы. Максим выехал на загородную дорогу, которая огибала приличный кусок города. Волкова вытянула шею, всматриваясь в пейзаж.

— Наш ларёк в тайге что ли? — поинтересовалась Мария.

— Нет.

Максим не спешил объяснять выбор дороги. Он словно статуя сидел на водительском месте и рулил, изредка посматривая в зеркала. Или робот. Робот было бы точнее. Но взгляд Марии зацепился за незначительный жест — длинные пальцы барабанили по рулю. Обычно он крепко держался за баранку, иногда всего одной рукой.

— Так куда мы? — снова задала вопрос Волкова.

— На пути через Маяковку авария. Трубу прорвало, всё перекрыто.

Следователь кивнула и вернулась рассматривать мелькавшие деревья за окном. Одно было древнее предыдущего. Величественные, высокие, уходившие в самое небо. Мария любила тайгу — в ней было что-то манящее, загадочное и при этом пугающее. Она не боялась диких зверей, в её картине мира единственные, кого стоит бояться — люди.

В машине резко потянуло холодом и далеко не осенним. Волкова поёжилась, не в силах оторвать взгляд от стволов деревьев. Они растягивались, утопая в глубине чащи. Мурашки строем прошли по позвоночнику. Мария вздрогнула, чуть не уронив стаканчик с кофе.

Максим недовольно хмыкнул, но ничего не сказал. Волкова одним глотком допила остатки, и больше в сторону леса не смотрела.

В мыслях промелькнуло, что неплохо было бы ещё раз почитать про ужасных воришек сигарет. Опустив руку на соседнее место, ничего не обнаружила. Пошарила рукой — пусто. Открыла сумочку — ничего.

— Да чтоб тебя!

Максим только поднял глаза и посмотрел в зеркало заднего вида.

— Разворачивайся, я похоже на работе дело оставила. Он молча протянул ей тонкую папку.

— Где ты...

— С капота захватил.

Выдохнув, Мария коротко кивнула, не удостоив водителя даже взгляда, и принялась читать показания.

Мария не планировала потратить на историю с ларьком весь день, но освободилась только к вечеру. Подростки слёзно просили прощения, а угрюмая тётка с фиолетовыми волосами настаивала, чтобы «охламоны сели в тюрьму». Марии пришлось применить все свои таланты переговорщика и убедить склочную тётку, что ребята всё поняли и больше так не будут. Ребята, правда, были под два метра ростом, худощавые, детдомовские. Ремня им уже не дашь, но их слезам и соплям Волкова поверила, было в этом что-то безобидное, напоминающее детство. В любом случае, это не то дело, которым должен заниматься её отдел. Она оставила себе заметку, чтобы передать всё в отдел по делам несовершеннолетних, и закрыла папку.

На обратном пути Волкова улыбалась, вспоминая свою шпану, когда жила в приюте. Часто защищала таких же слюнтяев от более бойких мальчишек за что неоднократно получала.

— Вы чего такая довольная? — поинтересовался Максим.

— Ну я же просила на «ты». — Мария спрятала улыбку, надев суровую маску следователя. — Напомнили мне о детстве.

— Братья?

— Ну, можно сказать и так.

Вдаваться в подробности смысла не было, да и Максим потерял всякий интерес, как только она перестала предаваться воспоминаниям и вернулась в серую реальность.

Машина остановилась у дома. Чья-то «Волга» перегородила дорогу к подъезду. Максим напрягся, выглядывая из машины. Фонарь, освещавший пяточок, приветственно моргнул.

— Не напрягайся, я дойду. Это сосед, вечно так херово паркуется, — сказала Волкова и дёрнула ручку двери.

Максим вышел следом, поправляя воротник пальто. Без всяких слов он следовал за ней, как личный телохранитель. Она насупилась, пряча руки в карманы. Вечер становился прохладнее, изо рта шёл пар. Этот сентябрь был самым холодным на её памяти.

— Я сама дойду. Не маленькая.

Максим ничего не ответил, остановился у той самой рябины и не сводил с Волковой взгляда. «Как под надзором», — подумала она.

Только после того как зашла в подъезд и поднялась выше третьего этажа, послышался звук буксующих шин. Выглянув в окно подъезда, Мария увидела, как служебная машина теряется в тёмных дворах. Через пару поворотов фары вовсе скрылись из вида.

— Забавный ты, Максим Дмитриевич, — сказала она.

Вместо того, чтобы подняться домой, Мария вернулась во двор, где пропала Юля и села на детские качели. Они были уже не по размеру и бортики предательски сжали бёдра. Отталкиваясь ногой, она медленно покачивалась, пытаясь понять, почему дело Юленьки её не отпускает. Качели устало постанывали от каждого движения. Мария осматривала двор, проигрывая все варианты, как можно было незаметно забрать отсюда ребёнка в разгар дня.

За домом была оживлённая дорога граничащая с лесом. Даже ночью машины то и дело проезжали мимо. С двух сторон от дома Юли стояли другие пятиэтажки, образуя квадрат. А в квадрате — детская площадка. Столько окон, столько детей с родителями и ни одного свидетеля.

Картинка в глазах постепенно мутнела и расплывалась. Мария перестала ощущать прохладу металлических поручней, хватаясь за них крепче. Мышцы напряглись и правую руку свело. Глаза захлопали, ловя фокус. Она растирала запястье — по руке словно прошли сотни иголок.

— Угомонись, Волкова, это забота крысёныша, — пробубнила она сама себе под нос.

Мария долго ещё просидела на месте, буравя взглядом подъездную дверь, из которой вскоре вышла пожилая женщина. В цветастом халате, махровых носках и старых тапках. На плечи была накинута лишь вязаная жилетка. Волосы, собранные в пучок, желтели от света фонаря.

Женщина направилась напрямиком к Марии, с трудом пе-

решагивая через бордюр. Старушка взглядом пригласила её присесть рядом и села на лавку возле качелей. Мария приняла приглашение.

В воздухе стояли холод и сухое отчаяние. Бабулька устала на свои тапки, поматывая ногами, будто собиралась с духом.

— Новости есть?

Наконец заговорила старушка. Волкова напряглась. Она не вела это дело, но посмела дать обещание — спрос с неё. Ладонки тут же вспотели, Мария хотела было что-то ответить, но только открыла рот. Затем закрыла.

— Ясно, — вздохнула старушка.

В морщинистых уголках глаз заблестели слёзы. Мария запустила руки в карманы, лишь бы не сделать глупостей. Ей безумно хотелось обнять бабульку, утешить, сказать, что внушка скоро будет дома. Но она не имела права.

— Никто не ищет мою Юленьку, — всхлипнула старушка.

Достав платок, бабушка Юли начала утирать слёзы, шмыгая курносым носом. Мария посмотрела на землю. Тысяча слов разом крутилась в голове и ни одно не подходило для того, чтобы быть произнесённым.

— Милиция...

— Полиция, — поправила старушку Мария.

Всхлипы прекратились. Женщина повернулась к Волковой и нахмурилась. Мария втянула ноздрями воздух, обжигая холодом слизистую. «Как глупо» — повторяла она сама

себе. «Нужно было молчать. Просто выслушать и дать уйти.» — мысленно отчитывала себя Маша.

— Вот именно, — разразилась женщина. — И так нихрена не работали, а сейчас переименовались, форму поменяли, машины дорогие закупили, тьфу.

Она поднялась со скамьи и зашаркала в сторону дома — ругалась всё громче.

— А как работать, так они не хотят. Ребёнок пропал, — голос сорвался, захлёбываясь слезами. — Ой, Юленька, где же ты... внученька... чтоб он провалился... ироды...

Причитания бабушки скрылись за подъездной дверью.

Во дворе снова стало тихо: только шелест листвы, редкие звуки проезжающих машин, шорох в кустах. Что-то чёрное пролетело слишком низко, едва коснувшись затылка Волковой. Она пригнулась, а за спиной раздался грубый крик вороны.

По спине пробежал холодок. Мария медленно повернулась и встретила с птицей глазами. Ворона сидела на деревянной крыше песочницы и дёрганно крутила головой, казалось, пристально наблюдая. Её чёрные глаза механически моргали, а крылья недовольно вздрагивали.

— Кар!

Взмах крыльев — и она улетела.

— Взрослая баба, а испугалась птицы!

Мария плеснула дешёвый коньяк в стакан и села за стол,

закуривая сигарету. Клубы дыма медленно поднимались вверх, к абажуру, а затем выныривали в форточку. Рыжий абажур, висевший ровно посреди круглого стола, молил о замене лампочки. Света едва хватало на столешницу, не говоря уже про остальную кухню. И это при её скромных размерах.

Она скинула один сапог, сделала глоток, затем сняла второй. Откинувшись на спинку стула, вытянула ноги, закидывая их на табурет. Рука потянулась к пульту и началась игра — найди что-то интересное. По телеку шли лишь глупые ночные шоу с идиотскими шуточками да иностранные фильмы, просмотренные Волковой уже не раз.

Выключив говорящий ящик, она кинула пульт на диван. Глоток. Ещё один. Жидкость обжигала горло, разливаясь терпким теплом по всему телу. стакан попросил добавки и рука, не раздумывая, налила ещё.

Из приоткрытой форточки повеяло осенней прохладой. Часы смиренно отсчитывали последний час до полуночи.

Веки опускались, налитые свинцом. Сигарета тлела в пепельнице. Ещё пару глотков. Волкова сморщилась, и, отчитав себя за бесполезность, поспешно отправила стакан в раковину, вылив содержимое бутылки.

В ванной было теплее. Пар от горячей воды согревал лучше одежды. Волкова смотрела на своё отражение, на губы винного цвета. «Нет, не сегодня» — подумала она и провела по губам тыльной стороной руки. Помада смазалась.

После душа Мария лежала на диване, в сереньком халате,

не разбирая постель. Мысли, как мелкие тараканы, то и дело выбегали кучкой и снова разбегались кто куда. Потолок казался интереснее телевизора, только вместо говорящих голов и поющих трусов — внутренний голос. Он раз за разом напоминал Волковой о её глупости, никчёмности и невос требованности.

Она, молчаливо соглашаясь, кивала на каждое новое оскорбление, которое сама себе придумывала. С каждым новым словом голос становился тише и на его место пробивалась тощая, обессиленная вера.

Мария знала, как работает Вязьмин. Знала, что дети из таких семей, как у Юленьки, никто не ищет. Система менялась, но ей нужно время, а такие, как крысёныш препятствовали любым изменениям.

— Тебя уволят, Волкова, — хмыкнула Мария в ответ на новую мысль, что приземлилась где-то в сознании. — И правильно сделают.

Она повернулась на бок, убрала руки под подушку и закрыла глаза. «Завтра же изучу дело Юли подробнее» — с этой мыслью и уснула.

Глава 2

Утро наступило слишком быстро. Мария поморщилась от яркого солнца, которое обжигало глаза сквозь закрытые веки. Пение птиц просочилось через приоткрытую форточку, напоминая, что пора на работу.

Волкова медленно поднялась и недовольно промычала. Спина захрустела, словно старый лаваш. Каждая косточка, каждая мышца вопила о своём существовании. «Грёбанный возраст». В двадцать лет она могла спать в позе скрюченной гусеницы в маленьком кресле, и всё было нормально.

— Вставай, рухлядь, тебе надо на работу, — сказала она и сама дёрнулась от своего хриплого голоса.

После бодрящего душа Мария налила чай. Приятный аромат никак не вязался с горьковатым вкусом. Она отдала слишком много денег за обещание на упаковке — дарует силы и крепкое таёжное здоровье. Бросила пару кубиков сахара. Он делал вкус менее противным.

Мария взяла пульт и включила первый попавшийся канал. Симпатичная, стройная девушка вещала о погоде: солнечно, теплее, чем вчера, дождя не ожидается. Но верить этому можно было едва ли. Серые редкие тучи намекали Марии, что неплохо было бы захватить зонтик. Собрав себя по крупицам, она покинула квартиру.

У подъезда сидела бабушка Юли, рядом — две сплетни-

цы из соседнего дома. Подруги щебетали с обеих сторон. Бабушка Юли смотрела на носки своих тапок и даже не дёрнулась, когда одна из женщин коснулась её локтя. Мария уже набрала полные лёгкие воздуха, готовясь отвечать на незадаанные вопросы и вместо этого сказала:

— Доброе утро.

Не сбавляя шаг миновала старых сплетниц, выворачивая на тротуар.

Работа встретила смесью запахов перегара, обоссанных штанов и заваренного кофе. Двое мужчин сидели, упершись друг в друга лбами и храпели в унисон — на лавочке возле окна.

— С каких пор у нас вытрезвитель? — спросила Мария, расписываясь в журнале.

— Да сынок какой-то шишки из городского управления. С другом фонарь снесли. Машину в хлам. — Помотал головой Петрович. — Как живы остались — вопрос.

Мария залезла к старику в пакет, вытащив пару карамелек, пока он вещал ей о дурнопахнущих объектах. Развернув одну, закинула в рот и поморщилась от химозного яблочного вкуса.

— Угу, ясно, — борясь с кислотой ответила Волкова.

В кабинете гулял сквозняк — Колесов курил в открытое окно, задумчиво всматриваясь в силуэты деревьев. Те приветливо склонялись, сбрасывая с себя очередной слой по-

желтевшей листвы. Он даже не обернулся на звук открывающейся двери.

Мария бросила сумку на стул, снимая с себя пальто. Взгляд задержался на плечах Колесова — напряжённых, поднятых. Он не обернулся, не бросил своё банальное «опять помятая». Только стряхнул пепел с сигареты, которая почти догорела до пальцев. «С женой поцапался, похоже», — подумала Волкова и повесила пальто на вешалку.

Ни сказав ни слова, Мария ушла. Вчерашнее обещание не хотело отпускать мысли.

Она остановилась у кабинета Вязьмина и огляделась. В коридорах было пусто, за дверью царила тишина. Вязьмин никогда не приходил раньше, наоборот, он любил задержаться придавая себе мнимой важности. Мария дёрнула ручку двери и та с лёгкостью подалась. «Зачем он себе выбивал отдельное пространство и не следил за ним», — задавалась вопросом она. Только если это очередной щелчок ей по носу — мол, он важнее.

В кабинете царил хаос. Стопка папок накренились на краю стола, готовая вот-вот упасть и спутать все бумаги. На тарелке лежал заветренный пончик, а рядом стояла чашка с коричневыми потёками по стенке и прилипшим к краю чайным пакетиком. Мария поморщилась, прикрывая за собой дверь.

Папка с нужным делом лежала сверху, её выдавала торчавшая фотография Юленьки. Включив МФУ, она перекладыва-

вала лист за листом, делая копии. В коридоре послышался противный смех Вязьмина и Петровича, они что-то бурно обсуждали на проходной.

Аппарат втянул последний лист с сухим треском. В коридоре снова засмеялся Вязьмин. Мария прижала готовые копии ладонью к груди. «Давай. Шустрее, чёртовая машина!», — Мария закусил губу, бегая глазами от двери до еле вылезающего листка. Смех в коридоре оборвался. Послышались приближающиеся шаги.

Наконец принтер отдал последний листок, который Мария положила к остальным, свернула, засунула за пояс штанов, и прикрыла блузкой. Папку Вязьмина она вернула на место.

Дверь распахнулась, и удивлённое лицо Вязьмина искрилось в недоброй улыбке. Он прикрыл за собой дверь, повесил пальто и подошёл к Марии. Несмотря на разницу в возрасте — крысёныш младше на шесть лет — Вязьмин выглядел её ровесником, если не старше.

— И что это мы тут делаем?

Он говорил шёпотом, с каждым словом приближаясь всё больше. Наклонился к её уху. Волкова чувствовала его дыхание на своей шее. Он же нависал над ней, прижимая к столу.

— Ты говорил, что с отчётом что-то не так. Я хотела исправить, — сухо ответила Мария.

Она, насколько могла, сохраняла спокойствие и молилась всем богам, чтобы он не стал распускать руки и не обнару-

жил скрученные ксерокопии за её спиной.

— И ты именно ради него пришла? После того как Никитич тебя официально отмазал? Или что-то задумала?

Вязьмин криво ухмыльнулся и наконец отступил. Мария выдохнула, направившись на выход.

— Я не знаю, что ты тут делала, но если что — знай, даже твои прошлые заслуги тебе не помогут. Выкинут в два счёта, — он говорил тихо, понизив тон. — Всё равно толку от тебя нет.

Мария замерла, вцепившись в дверную ручку.

— Да ты...

Копии упирались в поясницу. Стоило только выпрямиться или резко повернуться — блузка непременно бы задралась. Она почувствовала обжигающий взгляд Вязьмина в спину. Он наверняка улыбался. «И ведь прав, крысёныш».

Волкова ссутулилась, словно побитая собака, поджала губы и закрыла за собой дверь.

Сидеть в кабинете с хмурым Колесовым не хотелось. Дел было немного, и во время обеда Мария решила прогуляться в парке возле работы. Она взяла кофе и пару булочек с вишней по дороге к своему любимому месту. Обычно там было мало народа — за деревьями никто не замечал старой скамьи. Там она могла скрываться и погружаться в свои мысли.

Сидя на скамье и откусывая булку, Мария вчитывалась в ксерокопии дела о пропавшей Юле. Некоторые буквы плохо

пропечатались, из-за чего приходилось щуриться.

Как Волкова и предполагала, свидетели были. Дети. Но их никто не допрашивал. «Даже не попытался!», — пронеслось в мыслях. Возможно, дело было в их возрасте, а возможно, Вязьмину было просто лень организовывать все условия для допроса.

Мария свернула бумаги и убрала в сумку. Осенняя прохлада щипала щеки, но горячий кофе согревал изнутри. Вскоре доела вторую булочку, допила кофе и выбросила стаканчик с упаковкой.

Волкова медленно поднялась, вытирая руки салфеткой и, посмотрев по сторонам, направилась в сторону работы.

В парке было безлюдно. У палаток с выпечкой и напитками не было покупателей. Под ногами хрустели листья, которые сорвались с веток самыми первыми. Мария спрятала руки в карманы пальто, пытаясь проиграть в голове диалог с начальником. Каждый раз ничего не получалось — она получала отказ. Если Олег Никитич узнает, что она залезла в кабинет Вязьмина и сделала копии материалов дела Юли Корнеевой, простым выговором не обойдётся.

— Риски, Волкова, чего тебе терять? — сказала вслух Мария, неожиданно для себя.

Оглядевшись, в надежде что её никто не слышал, она ускорила шаг, набираясь решимости. Но мерзкий голос Вязьмина продолжал подзуживать где-то в голове. Решимости поубавилось, стоило мыслям как стае ворон, заполонить

сознание.

Олег Никитич сидел в своём кабинете с видом замученного человека, которому приходится всё тащить на себе. Волкова коротко постучала и после разрешения вошла.

— Волкова? — Он поднял на неё взгляд, откладывая многочисленные папки с документами в сторону. — Присаживайся.

Волкова кивнула, села на самый дальний стул, будто опасалась, что толстые пальцы начальника сомкнутся на шее, и кивнула на графин. Налив воду в гранёный стакан и сделав пару глотков, Мария осмелилась посмотреть в глаза начальнику — он уже барабанил пальцами по столу.

— Олег Никитич, прошу, отдайте дело Юли Корнеевой мне.

Начальник шумно вздохнул, откинулся на спинку стула и выжидающе смотрел в глаза Марии. «Какая из тебя Волкова», — подумала она и тут же отвела взгляд.

— Вязьмин не станет искать девочку, у него и так полно дел...

— Это он тебе сказал? — перебил Олег Никитич.

— Н-нет.

— Тогда с чего такие выводы? Вязьмин — прекрасный специалист. В отличие от тебя, у него за спиной множество успешных громких дел. В том числе, если ты помнишь, поимка серийника.

Мария замолчала, сложив руки в замок с такой силой, что костяшки мгновенно побелели. «Конечно помню, я же его ловила», — подумала она и снова посмотрела на начальника.

— До матери добрались только на третий день. Вы сами просили меня осуществить первичный допрос. Я уже не говорю о том, что он не опросил маленьких свидетелей. Вы же понимаете, такая морока ему не по душе, — выпалила Мария и снова замолчала.

Олег Никитич придвинулся ближе к столу, прищурился, внимательно оглядывая свою сотрудницу.

— Волкова, если я узнаю, что ты роешься в чужих делах без моего ведома... Или что? Вязьмин снова захотел работать в паре?

— Нет, — слишком резко ответила Мария.

— Волк... — его тон стал мягче. — Маша, я понимаю, что ты хочешь вернуться в строй. Вы с Вязьминым были лучшей командой. Не знаю, какая кошка между вами пробежала... Но не тащи личное в работу. — Олег Никитич устало потёр глаза, махнул рукой в сторону двери и повернулся на стуле к окну. — Дело останется у Вязьмина.

— Но...

Толстая ладонь ударила по столу, и ручки покатались, поочередно падая на пол.

— Если я только узнаю, что ты лезешь не в свои дела, то отправлю тебя в бессрочный неоплачиваемый отпуск. Ясно, Волкова?

Начальник нахмурился, и его пухлые щёки тут же покраснели. Казалось, галстук сдавил горло с такой силой, что ему трудно было выговаривать каждое слово.

Мария кивнула, молча встала и покинула кабинет.

День доработала с трудом. Казалось на неё вылили пару вёдер помоев и заставили так ходить весь день. Она даже ушла пораньше с работы, чего себе почти никогда не позволяла.

На столе вперемешку лежали копии листов из дела о пропавшей Юле. Рядом стоял наполовину пустой стакан с виски, а в пепельнице дотлевала до фильтра не первая сигарета.

Было уже за десять вечера. Мария сидела в тусклом свете оранжевого абажура, удерживая голову двумя руками. Слова Вязьмина переплетались с угрозами начальника и долбили по ушам с двух сторон. Как только доходило до пика, Мария делала глоток, после которого слова начальника и Вязьмина теряли чёткость.

— Нет успехов, ха. Будто у Вязьмина они без меня есть, — прошипела она, сделала ещё один глоток, опустошила стакан и наполнила его снова. — Да он только и делал, что сидел на заднице ровно, пока я скакала по чёртовым заброшкам и подвалам за всякими мудаками.

Новая порция была выпита слишком быстро. Мария скривилась, терпкая жидкость обожгла горло. Дрожащая рука дотянулась до открытой пачки сигарет и вытащила одну. Зажав

её губами, она чиркнула спичкой, поднеся её к сигарете.

В тёмном стекле дёргалось отражение огня, но Волкова его не замечала. Она увидела своё измученное лицо в окне. Под глазами снова появились тёмные мешки, казалось, морщин даже стало больше. Кое-как завязанные в хвост волосы и вытянутая одежда.

Спичка обожгла кончики пальцев, Мария отдёрнула руку и выругалась, выплюнув сигарету. Она знала, что её поможет. Поднявшись из-за стола, пошатнулась, схватилась за край столешницы, затем ушла в ванную.

Музыка была настолько громкая, что невозможно было услышать собственные мысли. Волковой это было на руку. Танцпол был забит отдыхающей молодёжью, среди которой нет-нет да мелькали такие же возрастные гости, которые пытались вернуться в молодость.

Мария шла сквозь толпу, даже не касаясь никого плечами. Казалось, люди сами расступаются перед ней, как воды перед Моисеем. Она уже поймала на себе пару взглядов потенциальных избранников. Повесив кожанку на спинку барного стула, попросила бармена налить виски и разбавить его колой.

Сев вполоборота к барной стойке, Мария начала игру на выбывание. Кандидат возле колонны слишком уверенно направился в её сторону. Она демонстративно отвернулась. Другой криво улыбнулся — знакомый рот, кажется, встре-

чала его на своей подушке. Тоже нет.

— Это вам от того мужчины, — сказал бармен, подвигая бокал на тонкой ножке с белым вином.

Мария выпрямилась, посмотрев туда, куда указывала рука бармена и увидела мужичка. Он был не высокий, с толстой цепью на шее. Взгляд сразу выловил маленькую деталь, стоило лучу софита скользнуть по его руке: на безымянном пальце белел след от кольца. «Перед входом спрятал, красавчик», — съязвила про себя Волкова.

Мария позвала бармена и попросила вернуть знак внимания. Мужчина этого не оценил и, нахмурившись, начал двигаться в её сторону. Она подпёрла голову рукой, осматривая отвергнутого без особого интереса.

— Не понравилось вино?

Раздался гнусавый голос прямо над ухом. Мужчине пришлось встать на носочки, удерживаясь за стул, лишь бы дотянуться. Мария хмыкнула, наклонилась к горе-жениху и сказала как можно громче:

— Нет, не понравился даритель.

Она снова расправила плечи, возвышаясь над мужчиной. Теперь он казался ещё ниже. Он насупился, желваки заходили, а на лбу вздулась вена.

— Слышь, овца.

Он схватил Машу за руку, силы в нём оказалось больше, чем она думала. Предплечье сразу же заныло, а стул предательски качнулся, едва не сбросив её.

Что произошло дальше, Мария толком не разобрала. Перед ней мелькнули широкие спины трёх молодых парней, которые оттеснили коротышку.

— Всё в порядке?

Юноша наклонился к Волковой осматривая оставленный след пальцев на руке. Мария машинально кивнула, не до конца понимая, что обращаются к ней.

— Может, льда? — Молодой человек щёлкнул пальцами и бармен тут же поставил стакан со льдом рядом с Машей. Юношу взял его в руку.

— Всё ок.

Она подняла глаза и увидела довольно юное лицо. Он смотрел на неё, крепко сжимая в руке стакан со льдом, не зная куда его деть. Мысленно поставила у себя галочку и любезно улыбнулась.

— Спасибо за помощь, — сказала Мария.

— Да не за что. Я Матвей.

Шестерёнки в голове моментально закрутились. Мария окинула взглядом парня — хорошо сложен, высокий. «Слишком молод. Но разве это не очередное доказательство для тебя, Волкова?» — пронеслось в мыслях.

— Катя. — Решила соврать она. «Ради одной ночи представляться не стоит». Маша протянула руку и почувствовала на ней его губы.

— Очень приятно, Катя.

Крепкие руки блуждали по телу Марии, пока она пыталась нащупать выключатель. Что-то полетело с комода и разбилось, но ей было всё равно. Жаркие поцелуи затуманили рассудок, покрывая шею. Мария старательно вытягивала её, что бы не смущать молодого любовника своей, как её казалось, дряблой кожей.

Дверь захлопнулась — глаза открылись. Мария стояла в коридоре своей квартиры в объятиях совсем юного парня. В клубе выяснилось, что ему всего двадцать два года — разница в девятнадцать лет.

— Дай мне минутку, — прошептала она, вырываясь из его хватки.

Заперевшись в ванной, Волкова ухватила за раковину, не способная сделать вдох. Словно в горле что-то встало поперёк и расширялось. Она смотрела в зеркало, пытаясь справиться с мыслями.

Открыла кран сильнее. За шумом воды не было слышно, как неровно она дышала.

— Он тебе в сыновья годится, ненормальная, — прошептала она самой себе. — Ну и что, ты же для этого и ходишь по клубам? Доказать себе, что всё в твоих руках — стоит только пожелать? — сама себе дала ответ.

Дыхание постепенно выравнивалось, и отражение одобриительно улыбнулось. Быстрый горячий душ, переделась и она была готова.

Мария вышла из ванной, и комната тут же наполнилась

тёплой влажностью. Чёрное кружевное бельё обтягивало тело — купила пару дней назад. Как знала. Алкоголь смягчал границы отгоняя тревожные звоночки.

Он лежал на разобранном диване, упираясь локтями. Молодой, уже готовый — без одежды. «Двадцать два года, совсем малыш» — подумала она. Мария медленно приближалась, контролируя каждый шаг. Споткнуться или потерять равновесие было непозволительно.

— Не трогай, — сказала она, когда его руки потянулись к её талии. Голос был низкий, спокойный, манкий. Он послушно кивнул, хотя по глазам было видно, как ему не терпится сорвать с неё кружева.

Она сама развязала ленточки, медленно, демонстративно. Бельё упало, и Мария осталась абсолютно нагая, наслаждаясь, как молодой взгляд блуждает по её телу, как прерывается дыхание юноши. Наслаждалась его беспомощностью.

Сев верхом, она начала двигать бёдрами — медленно, вверх, вниз. Его дыхание участилось, он подался навстречу, но она оттолкнула его, ускоряя движения. Он потянул к её груди руки, напрягся. Она ударила по рукам и задвигалась агрессивнее, резче. Он сжал губы и кончил.

— Прости... — прошептал Матвей.

Мария перевернулась на спину, уставившись в потолок. «Типично. Совсем мальчишка», — подумала она.

Матвей продолжал извиняться. И ей это быстро надоело. Она ухватила его за волосы, резко, без нежностей. Он

вздрыгнул, но послушно последовал. Его лицо оказалось между её ног.

— Молчи, — выдохнула она, но просить уже было не нужно.

Сначала он неловко двигал языком, не зная, что делать, но Мария направляла его, удерживая за волосы, как за поводья. «Вот так». Её тело отвечало импульсом на каждое его прикосновение. Когда он наконец нащупал нужный ритм, Мария прогнулась в пояснице. От виски ещё кружилась голова. Но теперь это не мешало: движения задавала она.

Посмотрев на его лицо, как он пытался угодить ей и послушно следовал малейшему движению руки, она улыбнулась. В какой-то момент хватка ослабла и, боясь потерять контроль, она сильнее сжала пальцы не боясь сделать больно. Он не прекратил, наоборот, становился ещё настойчивее.

После очередной волны удовольствия она отпустила поводья. Расслабилась. Матвей навалился на неё, уложив голову на грудь. На бедре она почувствовала его новую волну возбуждения. Мария приподняла бровь, а на лице появилась смесь сомнения и азарта. «Опять?» — Волкова потянула его за подбородок.

Телефон пиликал уже полчаса и не собирался затихать. Мария ненавидела себя за дурацкую идею поставить бесконечный рингтон на смс. Но пропустить важное сообщение с работы оставалось её главным страхом. И надеждой одно-

временно.

Поднявшись с кровати, она осмотрелась. На часах было всего шесть утра. Вчерашнего гостя уже не было, а на столе виднелся белый листок сложенный пополам. Его номер телефона и короткая записка: «У меня пары, увидимся позже?». На коже ещё держался запах его одеколона, но теперь он не пьянил, а раздражал.

Телефон наконец замолк, но лишь на секунду, чтобы оповестить о новом сообщении. Волкова начала рыться в вещах на полу в поисках мобильного. Спустя несколько минут она нашла его в кармане пальто у входа.

— Кому я так срочно понадобилась? — бубнила Волкова, пытаясь сосредоточить взгляд на маленьком экране.

Номер был незнаком. Зайдя в ванную, она открыла сообщения.

«Мария, это Максим. Мы можем поговорить?» — первое сообщение.

«Я заеду за вами домой, буду через 10 минут» — второе.

«Мне подняться? У вас всё хорошо?» — третье.

— Если бы ты только знал, — ухмыльнулась Волкова и тут же осеклась.

Вытащив глаза, она подбежала к окну. Машина Максима стояла у подъезда, а сам мужчина докуривал сигарету. Она заметалась по комнате, выбрасывая пустую упаковку от презервативов, подбирая разбросанные вещи, запихивая часть из них под диван, затем пробежала в ванную — срочно

привести себя в порядок. Насколько это возможно.

Звонок в дверь заставил выйти из ванной раньше. Мокрая, обёрнутая в полотенце, она посмотрела в глазок и замерла. За дверью стоял Максим. Всё такой же невозмутимый. «Прекрасно. Просто прекрасно».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.